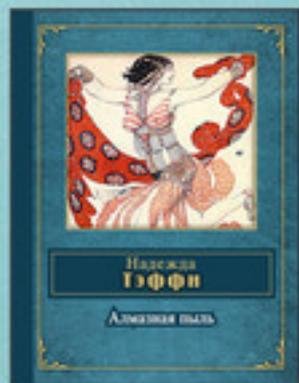

Надежда Тэффи

Шарманка Сатаны

*Часть сборника
Алмазная пыль (сборник)*

Надежда Тэффи
Шарманка Сатаны

«Public Domain»

Тэффи Н.

Шарманка Сатаны / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Пьеса в 4 действиях.

Содержание

Примечание	6
Действие первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Надежда Тэффи

Шарманка Сатаны

Пьеса в 4-х действиях

Действующие лица:

Арданов Николай Сергеевич, земский начальник.

Елизавета Алексеевна, его жена.

Серафима Ананьевна Светоносова, экономка.

Ворохлов Илья Иванович, богатый купец.

Глафира Петровна, его жена.

Илюшечка, их сын.

Андрей Николаевич Долгов, адвокат.

Полина Григорьевна, жена чиновника.

Иван Андреевич, чиновник.

Клеопатра Федотовна, его жена.

Луша, горничная Ардановых.

Лакей Долгова.

Действие происходит в провинциальном городе в наше время.

Примечание

Арданов, лет тридцати пяти, обрюзгший, но недурен собой.

Арданова, жена его, лет двадцати семи, очень красива.

Ворохлов, пожилой, пузатый, бритый с усами. Говорит на «о», держится надменно.

Жена его, обычная пожилая купчиха.

Илюшечка, лет двадцати, рыженький, одет хорошо, держится прилично, но иногда вдруг оробеет.

Долгов, лет тридцати пяти, светский, смотрит на всех, прищулив глаза, будто изучает.

Серафима, тощая, на лбу кудерки, волосы прилизаны, на затылке хвостик закручен, тараторит, лебезит, жеманится, одета в темное, на груди крест-накрест связанный платок.

Полина, томная провинциальная дама. Французит, плохо разговаривая, закрывает глаза, кокетничает, говорит в нос, одета нелепо.

Действие первое

Гостиная в доме Ардановых. Мягкая мебель, драпировки, коврики, все, как полагается в провинциальном чиновничьем доме. В углу, за столом сидит Серафима Ананьевна с подвязанной щекой, раскладывая карты, облизывая большой палец. Перед ней Луша.

Серафима. Ой деушка, деушка. Трефей сколько у тебя, ужаста, сколько трефей. Это прямо даже редкость, чтобы на одного человека, да столько трефей.

Луша. А это, что же, к худому что-либо?

Серафима. Подожди. Не таранти. Тарантишь не показано. Сама ты, значит, бубенная дама. Так. Будет у тебя, у бубенной дамы, в трефовом доме червонный разговор про свои бубенные интересы. И казенный дом тебе с ног покорен.

Луша. А это что же? *(Смотрит испуганно.)*

Серафима. Ну-с для дому твоего... утренний разговор и для сердцу твоего... бубновка маленькая.

Луша. А это что же?

Серафима. А шут ее знает.

Луша *(восторженно)*. И как это у вас, Серафима Ананьевна, все правильно выходит. И даст же Бог человеку, чтобы так всю судьбу видеть мог.

Серафима. Подожди, не таранти... И на чем обрадуешься... на слезах своих обрадуешься. И будет тебе с правой стороны не то письмо, не то разговор.

Луша. С правой стороны письмо-то? Это как же так?

Серафима. А уж это не нашего ума дело. Не то разговор, не то просто что-то такое. Уж не знаю, что, а будет тебе что-то, вот попомни мое слово, непременно будет.

Луша. Господи помилуй. И как это вы все так, все, ей-Богу.

Звонит телефон. Луша вскакивает.

Серафима. Подожди. Постарше тебя есть. *(В телефон.)* Слушаю-с. Нет, еще никто не приехал. А где барыня, я не видала, потому я все время занявши по хозяйству, с утра еще присевши не была... Слушаю-с, слушаю-с. *(Вешает трубку.)* Барин сейчас домой будет. *(Показывает на телефон.)* Не люблю я эту штуковину. Нехорошая. И кто ее сочинил – худой человек был и, не благословясь, сочинял. Висит тут на стене, да ябеду разводит. *(Передразнивает.)* Да дома ли Серафима Ананьевна, да что делает? Нет, уж коли ты из дому ушел, так нечего тебе на своем отдалении любопытствовать. Приедешь домой, тогда и спросишь своим человеческим голосом, а не через, прости Господи, дьяволу трескучку. Серафима Ананьевна тоже без дела не сидит. *(Присаживается к столу, берет карты.)* Серафима Ананьевна всю жизнь работает. Вот когда на фатере жила, так чулком питалась, с утра до вечера шерстяные чулки вязала. И хожу вяжу, и сижую вяжу, и ем вяжу, и сплю вяжу. Вызвали меня в суд свидетельницей – баба там при мне на базаре слова произнесла. Ну пошла я в суд и, конечно, чулок с собой. Сижую, вяжу. А судья говорит: «Вы, говорит, свидетельница Светоносова, работу свою прекратите». А я ему говорю: «Ты, батюшка мой, тут сидишь, так тебе за это деньги платят, а меня хочешь, чтобы я даром сидела, да еще и работать не смей. Кабы ты, говорю, чулком питался, так другое бы говорил». *(Раскладывает карты.)* Ну-с... А у ног твоих семерка червей.

Луша. Пойдемте, Серафима Ананьевна. Сейчас барин вернется, осерчает.

Серафима. Постой, погоди... семерка червей. И сердце твое, значит, на семерке успокоится. *(Входит Елизавета Алексеевна. Луша убегает.)*

Арданова *(улыбается, в руках у нее большой букет маков, напевает)*.

Танцуй, Робинзон.
Мы тебя прославили,

На ноги поставили,
Танцевать заставили,
Танцуй, Робинзон.

(Поднимая голову.) Ну что это вы право, Серафима Ананьевна. Нашли тоже время. Сейчас гости придут, а вы тут со своим гаданьем! Сколько раз я вам говорила...

Серафима *(лебезит)*. Я и то говорю, пойдем, барыня осерчает. Экая ты, право, Лушка какая. Да мне и не надо. У меня у самой от заботы такое сильное переутомление, что вот даже на щеке плюс.

Арданова *(перебивая)*. Да уж хорошо, хорошо. Кто это звонил по телефону?

Серафима. Барин звонили. Сейчас приедут.

Арданова *(ставит цветы в вазы)*. Вот так... Слушайте, Серафима Ананьевна, не узнали вы насчет цветов?

Серафима *(таинственно)*. Узнавала, барыня, узнавала, да такой мальчишка треклятый, ни за что не говорит. Почитай две недели носит, а ничего от него не выпытаешь.

Арданова. А вы спросили, из какого магазина?

Серафима. Спрашивала. Ничего не говорит. Уж я его и корила, уж я его и срамила. Молчит, да и все тут. Мне, говорит, не приказано ничего отвечать. Мне, говорит, приказано только отдать этот мак, да и уходить. Я, говорит, права не имею с вами разговаривать. Уж я его ругала, ругала. Коли ты, говорю, с этих лет права соблюдаешь, так из тебя потом что выйдет? Беглый каторжник из тебя выйдет – вот что.

Арданова *(смеется)*. Что вы за ерунду плетете.

Серафима *(заискивающе улыбается)*. Уж это я так, чтоб его попугать.

Арданова. Пойдите приготовьте все поскорее к чаю.

Серафима. Уж я и то говорю Лушке, что уж не знаю, будет меня барыня ругать или не будет. А я уж везде пыль вытерла. Может, они меня за это заругают...

Арданова. Ну что вы глупости говорите.

Входит Арданов. Серафима уходит.

Арданов. Здравствуй, Лизок. Вот тебе твои деньги. *(Передает ей пакет.)* Сорок тысяч.

Арданова *(берет пакет, смеется, приплясывает)*. Сорок тысяч. Сорок тысяч. Танцуй, Робинзон. Мы тебя прославили... На ноги поставили.

Арданов. Давай, я спрячу.

Арданова. Погоди. Дай поплясать. *(Обнимает пакет и кружится.)* Никогда еще с таким кавалером не плясала, которому цена сорок тысяч. Танцуй, Робинзон. *(Останавливается.)* И как можно было дать такую уйму денег за этот старый гриб Вознесенское. Ведь уж такая гадость была, такая тоска, мох да клюква.

Арданов. Ну что ты понимаешь. Там земли много. Ну дай я спрячу.

Арданова. Все-таки весело, что у меня столько денег. Боюсь только, что, пожалуй, мама рассердится. Ведь это ее имение-то было.

Арданов. Ну раз она тебе его подарила, так ты имеешь полное право делать с ним, что хочешь. Ну дай же я спрячу.

Арданова. Куда же ты спрячешь?

Арданов. Да вот хоть сюда в бюро. А в понедельник отвезу в банк.

Лушка *(вбегает)*. Ворохловы на моторе подъехали.

Арданова. Иду, иду.

Уходит. Арданов запирает деньги в бюро и уходит тоже. Оба тотчас же возвращаются с супругами Ворохловыми. Илюшечка идет за ними.

Ворохлов. Бывал здесь, бывал. Еще при покойном исправнике бывал. *(Оглядывает комнату.)* Ну, у вас здесь, конечно, все по-новому, как говорится, стиль декаля.

Ворохлова. Очень, очень у вас хорошо. Мне вот и Илюшечка нахваливал, что хорошо.
Илюшечка садится в угол, уткнув нос в альбом.

Арданова. Садитесь, пожалуйста. Илья Иванович. Глафира Петровна.

Ворохлов. Сядем, сядем. Отчего не сесть. Сегодня, значит, литки пить будем? За сколько именище-то продали? Лизавета Алексеевна?

Арданов. За сорок тысяч.

Ворохлов. Ну что же, и то деньги. *(Луша вносит поднос с чаем.)* Если бы я знал, что вы продаете, я бы, пожалуй, и сам купил.

Ворохлова. Ну и на что тебе?

Ворохлов. А я и сам не знаю. *(Задумчиво.)* Видно, прынт такой.

Арданова. Что?

Ворохлов. Нет, это я так.

Арданова. Глафира Петровна. Вареньица?

Ворохлова. Свеженького? Много теперь ягоды носят. У нас уже 4 пуда наварено. Да и с прошлых годов пудов 7 аль 8 осталось. Варю нынче, а сама думаю, и куды это все и на что это все. И чего я варю, и сама я не знаю, чего я варю, а вот варю.

Ворохлов *(мрачно).* Прынт такой, оттого и варишь. Все на свете по прынту делается.

Елизавета Алексеевна, отвернувшись, тихонько смеется, потом подходит к Илюшечке.

Арданова. Илья Ильич, чашку чаю. Что вы так тихо сидите?

Илюшечка *(очень смущенно).* Благодарю, я... дома пил, я с удовольствием, не хочу.

Ворохлов *(с сокрушением покачивая головой).* Не везет мне в сынах. Один спился, сброджился, а другой вот, стиль декаля. Старшего-то в Лондон посылал. Исправник покойный правду говорил: «Выпороть его надо, а не в Лондон».

Ворохлова. Ну что же говорить, исправник они, конечно, человек начитанный, а где уж нам-то различать, когда человека пороть надоть, а когда его в Лондон. А и то сказать, какой ни на есть Петруша наш, иначе добрые люди им не брезгивают. На прошлой неделе Чеканевы сватов присылали.

Арданов. Это какие Чеканевы?

Ворохлова *(гордо).* А такие, что при своих средствах и винокуренной завод свой. И очень, говорят, нам с вами породниться приятно, и живем мы, говорят, слава Богу, и у нас маменька с утра в шелковом платье в гостиной сидят и пасьянс раскладывают. Вот как добрые люди про нашего Петрушу думают.

Ворохлов. Ну. Распавлинила хвост.

Входят Полина Григорьевна и Долгов.

Полина. Бонжур, бонжур. Вот Андрей Николаич у нас сидел, я и его с собой притащила. Я мелодия, а он мой акомпаниман. Хи-хи-хи.

Арданова. А что же Петр Петрович?

Полина. Ах, право не знаю. Он все возится со своим пернатым царством.

Ворохлов. Это что же, кур разводит, что ли?

Полина. Нет, у него теленок и две свиньи.

Арданов подвигает стул Полине.

Полина. Нет, я хочу рядом с Ильей Иванычем. Илья Иваныч наш меценат.

Ворохлов. Это к чему же? Как понимать?

Полина. В полном смысле. Вы наш городской покровитель, и вы пожертвовали в приют пять мешков крупы. Я все знаю.

Долгов. Восторг, восторг и восторг, Полина Григорьевна, дайте мне скорее поцеловать вашу ручку. *(Целует и говорит серьезно.)* Мерси. Вы сами не подозреваете, сколько вы можете доставить чистой радости.

Ворохлова. Как это все по-столичному.

Долгов. Что?

Ворохлова. Обращение, говорю, очень московское.

Ворохлов. Теперь и наш город немногим чем Москве уступит. И телефон есть, и электричество есть, и на моторах ездим, а еще поживем, так я к вам на эропланте прилечу в карты играть. Фррр...

Ворохлова. Ой, батюшки страсти.

Ворохлов. А как подумаешь, так ведь 20-то лет тому назад у нас здесь еще и железной дороги не было. Нда-с. Далеко мы шмыгнули. Ух, как далеко. Самих себя не видать.

Входит Клеопатра Федотовна и Иван Андреевич. Здравуются.

Клеопатра. Ах, как я была поражена, когда я узнала, что вы продали Вознесенское. И зачем вы продали?

Арданова. Надоело уж очень. Я все равно каждое лето к маме уезжала, а зимой там жутко. Лучше жить здесь, в городе.

Клеопатра. Какое чудное имение. Мы когда-то с Иван Андреичем туда за грибами ездили. Помнишь, Иван Андреич? Хи-хи-хи, Полина Григорьевна, я вам потом что-то расскажу.

Полина (жеманьясь). Ах, уж вы всегда. Анфан терибль {Ужасный ребенок (от фр. enfant terrible).}.

Во время разговоров Долгов пристально смотрит на говорящих, внимательно слушает каждого, улыбается про себя.

Арданова. И мужу надоело это Вознесенское.

Клеопатра. Ну что ж, в городе можно было сезон проводить, а остальное время в деревне.

Ворохлов. У нас на Волге тоже сезоны были: комариный, мошкариный и вохры. Уж что лучше, не знаешь. Комары сосут-сосут. Уж на что худо, а пойдет мошкариный сезон, да как ползет мошкара и в рот, и в нос, и в глаз, вздохнуть не даст. А уж как вохра донимать начнет, так уж тут и комара голубчиком вспомнишь.

Иван Андреевич. А по-моему, и в уединении можно не без пользы время провести. Вот я, например, занимаюсь, кроме службы, серьезным делом, так мне времени еще не хватает.

Долгов. А чем, если не секрет, вы занимаетесь?

Иван Андреевич. Изобретаю. Я изобретатель. Хочу изобрести такую машинку, которая бы каждое утро в определенный час нас будила. Это очень сложная вещь. Машинка эта будет снабжена специальным звонком или трещоткой. С вечера вы ее заводите, и утром она начинает звонить. Вот только еще не придумал, как так сделать, чтобы она звонила ровно в определенный час.

Арданова (смеясь). Иван Андреевич, да ведь это же просто будильник. Самый обыкновенный будильник.

Иван Андреевич (растерянно). То есть это как так?

Арданова Ну да, конечно, с вечера заведете, а утром он и затрещит.

Иван Андреевич (обиженно). Ну этак можно про все сказать. Да это и неважно, это я между прочим изобретал. А главное мое изобретение – это кинематограф. Хочу кинематограф изобрести.

Арданова. Господи, да ведь он уже давно изобретен.

Иван Андреевич (ядовито). Так что же из этого? То ихний кинематограф, а то будет мой. Еще неизвестно, чей окажется лучше.

Арданова (Илюшечке). Илья Ильич, садитесь к нам сюда, вам там одному скучно.

Илюшечка (испуганно). Нет, нет, что вы, Лизавета Алексеевна. Мне ужасно, ужасно весело.

Ворохлов. Оставьте его, барынька. Ишь, ему весело. (*Задумчиво.*) Не везет мне в сынах.

Арданов (*Долгову*). А вы на этот раз надолго в наши края, Андрей Николаевич?

Долгов. Да, вероятно, до осени. Мне тут нравится, да и дела кое-какие.

Входит Серафима.

Серафима (*свистящим шепотом Ардановой*). Карточные столы в кабинете приготовлены.

Арданова. Хорошо, хорошо.

Серафима уходит.

Долгов. А это что за тип?

Арданов. Это Серафима Ананьевна г-жа Светоносова, домоправительница и мажордом. Совершенно крепостная душа.

Ворохлова. Ну уж где там. Разве теперь такие преданные бывают, как в крепостное время. Теперь ни за грош господ своих за продукты продадут и выдадут.

Долгов. Вот это-то именно и есть крепостная душа: она и преданная, она и предательница.

Ворохлова. Ну уж это вы, батюшка, так только по-ученому путаете.

Ворохлов (*Иван Андреичу*). Там против вас, кажется, большой пустырь есть? Так вот я этот самый пустырь купить хочу. Цементный завод строить.

Ворохлова. Господи, Твоя воля. И все-то ему надо, и все-то ему надо. И на что ему все это?

Иван Андреич. Пустырь есть. Большое место.

Ворохлова. И на что ему все это? Своего девать некуда.

Ворохлов. Молчи. Прынт такой. Стало быть, и надо. (*Долгову.*) Вы чего смеетесь?

Долгов (*серьезно*). Нет, я не смеюсь. Я просто только с большим интересом и удовольствием слушаю вас. Именно с большим интересом и удовольствием. (*Садится.*) Я ведь с детства помню, когда еще мой отец здесь предводителем был.

Ворохлов. Как же, как же, Николай Петровича очень помню. Растатырлив больно был, все просадил, а умный был человек.

Долгов. Вот теперь я здесь. С детства не был. Думал прямо, не узнаю своего старого гнезда. Действительно – телефоны и электричество, и железная дорога. Перемен много. Но чем больше смотрю, тем больше узнаю свое родное, незабытое. Помните, Федосья Карповна была, почтмейстерша? Наверное, Илья Иваныч помнит. Говорят, умерла. Я уж жалел, что не увижу. Очень был интересный тип. А потом смотрю, – тут мелькнуло, там мелькнуло... Здравствуйте, дорогая Федосья Карповна. Поздравляю вас с бессмертием.

Ворохлова. Ой, что вы, батюшка, страсти какие. Чудит вам, что ли?

Долгов. И все живо и все живы. И все нетленно и все бессмертны. Ну не радость ли это?

Полина. Се-т-афре. Это у вас просто нервное.

Ворохлова. Теперь от нервов, говорят, очень морковь помогает. Прямо натрут морковь на терке и нервы помажут. (*Ардановой.*) Вы чего на меня смотрите? Тоже ведь не зря ума, а который, значит, нерв расстроивши, тот и мажут.

Арданов. Говорят, у нас Тройков хороший доктор был.

Иван Андреич. Он мою тещу от смерти спас.

Ворохлов. Был да весь вышел. Спился. Теперь и рецепту написать не может. Фершал за него пишет. А поделом. Не пьялся. С каким форсом приехал. (*Передразнивая.*) Да что вы. Да как вы живете. Да то, да се, да воскресные школы, да союзы, да демократы, да рабочих страхуй. (*Злобно.*) Ничего. Прищемили хвост. Думал, к дуракам попал. Покрепче твоей спринцовки сила есть. Раз тебя по карману. Раз тебя по чести. Вот тебе наука, вот тебе демократы. Получай. Ха-ха. Что, навоевался? Кишка тонка. Сиди, не вякни. А фершал за тебя пусть рецепты пишет.

Арданова (*помолчав*). Вот вы какой, Илья Иваныч. Сами говорите, что он доктор был хороший, так чего же вы радуетесь, что человек погиб?

Ворохлов. Не лезь противу прынту. Болтай фалдами там у себя, в Москве, али где. Может, там тебя и будут слушать.

Долгов. Почему же вы так на него обиделись, Илья Иваныч? Ведь вашему делу от воскресных школ никакого бы убытку не было.

Ворохлов. Эк хватил. Мне от евонных идей ни от одной убытку быть не могло. Я и ни фабрикант и ни что. Мое дело хлебное. У меня расшивы, да техвинки, меня фабричное дело не касается.

Долгов. Так чего же вы?

Ворохлов. А вот как. Вот не хочу. Прынт, значит. И не лезь. И спорить со мной не советую.

Ворохлова начинает всем испуганно мигать – бросьте, мол, не раздражайте.

Арданов. Ну конечно... собственно говоря, прынцып... Конечно.

Ворохлова (*меняя разговор*). А вот уж я ни за что не хотела бы в столицах жить. Нехорошо в столицах. Больно там у них нищие набалованы. Уж и не спорьте, уж это я на себе испытала. Приехала я весной в Питер процент получать. Подсчитала, значит, дома, сколько полочки будет, и все досчитаться до толку не могу: то выходит на три тыщи больше, то выходит на три тыщи меньше. Вот я и дала обет нищего-то в Питере хлебом наградить, чтобы мне Бог на три тыщи проценту больше послал. Взяла я с собой хлеб, целую ковригу, хороший хлеб, монастырский, с тмином. Да еще пару огурчиков прибавила соленьких, чтобы ему, нищему, повкуснее было. Ну пошла это я в банк и ковригу с собой волоку. Тяжелая. Искала, искала нищего, еле нашла: бегамши-то чуть в банк не прозевала. Даю ему хлеб, огурчики, все как следует. Вот, говорю, помолись об успехе рабе Божией Глафире. Так чтоб вы думали? Ведь не взял. Мне, говорит, деньгами подавай. Так ведь намучилась. Племянника со Стрельны с дачи выписала. Ему препоручила. А и он кобенится. Я, говорит, студент, мне, говорит, неловко с ковригой-то. Двадцать рублей ему подарила. Сунул кому-то хлебец-то мой. Сдержала я обет. Ну процент хорошо получила, как хотела. Не люблю ваших столиц.

Ворохлов. Никто туда тебя и не гонит.

Арданов. Однако, господа, не будем терять золотое время. Столы приготовлены, займемся делом.

Ворохлова. Ох, уж мне-то бы и не следовало. Уж больно я плохо играю.

Полина. Да что вы, Глафира Петровна, да вы чудесно играете. Да вы прямо профессор. (*Все уходят. Полина берет под руку Клеопатру и задерживает ее.*) Клеопатра Федотовна, шери {Дорогая (от фр. cheri)}. Как вам нравится Андрей Николаевич? Нет? вы скажите правду, правду. (*Илюшечка встает и на цыпочках отходит вглубь комнаты*).

Клеопатра (*с гримасой*). Жидковат.

Полина (*с негодованием*). Какой вздор! Он именно великолепно сложен. Именно великолепно. Стройный, ловкий. Я положительно вас не понимаю.

Клеопатра. Вы так говорите, потому что никогда не видели действительно красивых мужчин. Вот если бы вы видели моего Ивана Андреевича, то есть его спину, вы бы не то запели.

Полина (*с любопытством*). А что бы я запела?

Клеопатра. Да уж не знаю, что. Это ваше дело. Вот уж хоть мне и муж, но я должна сказать правду – божественная красота. Представьте себе Аполлона Бельведерского. Видали?

Полина. Видала.

Клеопатра. Ну так вот. Спина у Ивана Андреевича – вылитый Аполлон Бельведерский, только гораздо интеллигентнее.

Полина. Да что вы, ну кто бы подумал? Ах, шери, как все это интересно.

Клеопатра. А вы носитесь с вашим Андреем Николаичем. Что он, очень в вас влюблен? Я ведь никому не скажу.

Полина. Безумно влюблен. Он у нас уже три раза обедал. Настоящее безумие.

Клеопатра. А что же он говорит?

Полина. Ах, массу говорит. Массу. И знаете, как он умен. Ах, до чего он умен. Это настоящий философский ум. Муж недавно говорит, что он любит деревню, а Андрей Николаич ему в ответ: зачем вам ехать в деревню, когда у вас в доме такой большой сад?

Клеопатра. Ну, воля ваша, ничего в этих словах мудреного нет. Это и каждый может сказать.

Полина. Ах, финисе {Прекратите (от фр. finissez)}. Ничего подобного я ни от кого не слыхала.

Клеопатра. Просто вы в него втюрились, вот вам и кажется.

Полина. Я втюрилась? Что за выражение? Это вы воображаете, что у вашего мужа бельведерская спина и что все должны...

Арданова (*вбегая*). Полина Григорьевна, Клеопатра Федотовна, вас ждут. Идите скорее. (*Полина и Клеопатра уходят вместе с ней.*)

Долгов (*входит, держа под руку Ворохлова*). А я хотел вас попросить, милейший Илья Иванович, не можете ли вы мне ссудить немножко денег?

Ворохлов. С удовольствием, с удовольствием. Вам сколько: пятерочку? десяточку?

Долгов. Нет, мне не пятерочку, мне рублей восемьсот. Ненадолго.

Ворохлов. Восемьсо-от. Нет, вы уж на меня не пеняйте. Не могу-с. Это я никак не могу-с. И раньше не мог и потом никогда не смогу. Уж не осудите.

Долгов (*смеется*). Я ведь это знал! Ха-ха-ха. Я ведь знал, что вы так скажете. Я нарочно и спросил. Не сердитесь, я пошутил.

Ворохлов (*смотрит на него лукаво, но без улыбки*). Ничего-ничего, я ведь знал, что шутите, я ведь это тоже шутя, отказал-то.

Долгов громко смеется. Оба уходят.

Арданова (*входя*). Илья Ильич, где вы? Где же вы?

Илюшечка. Я здесь, Лизавета Алексеевна. Я здесь.

Арданова. Вам скучно, Илюшечка. Да что с вами поделаешь. В карты вы не играете, разговоров не разговариваете, за дамами не ухаживаете. Ну, садитесь сюда. Скажите, вам нравится Полина? (*Садится на диван.*)

Илюшечка. Нет, Полина Григорьевна мне не нравится. Конечно, она очень милая. Только мне не нравится.

Арданова (*улыбаясь, напевает*). Танцуй, Робинзон. Мы тебя прославили, на ноги поставили... Илюшечка, что это за дурацкая песенка? Привязалась ко мне, не дает мне покоя вот уже второй день. Надоела, и такая неотвязчивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.